

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1 сентября. Прибывшіе изъ Владиміра-Волынскаго бѣженцы рассказывали, что въ д. Горовушкѣ германцы загнали въ одну хату нѣсколько женщинъ, шести и восьми-лѣтнихъ дѣвочекъ, изнасиловали ихъ всѣхъ, а затѣмъ прикололи штыками.

Съ фронтовъ приходятъ извѣстія о хорошемъ и бодромъ настроеніи войскъ и о томъ, что германскіе плѣнные начинаютъ давать показанія, что они удивляются, откуда у русскихъ берутся снаряды, вѣдь германское начальство ихъ убѣждало, что скоро у русскихъ совсѣмъ не будетъ снарядовъ и тогда бери ихъ голыми руками.

Генералъ-суперъ-интендентъ Лифляндской губерніи гр. Гетгенсъ, какъ глава евангелическаго лютеранскаго духовенства губерніи, не разрѣшилъ приходскимъ пасторамъ устраивать по воскресеніямъ сборъ въ церквахъ въ пользу латышскихъ баталіоновъ.

Разсказываютъ, что извѣстному главѣ фирмы Кунстъ и Альбертсъ Датану, высланному въ Нарымскій край, предоставлено было для слѣдованія купѣ перваго класса, и тамошніе нѣмцы устраивали сему господину на станціяхъ сочувственныя встрѣчи.

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1915 г.

Мнѣ передавали, что во время мобилизаціи, при слѣдованіи поѣздовъ по Омскому округу для гг. офицеровъ сибирскихъ войскъ предоставлены были вагоны 3-го класса, а плѣнные германскіе офицеры ѣхали въ первомъ классѣ.

2 — 3 сентября. Еще подтвержденія, вовлекшія Россію въ невыгодную сдѣлку обмѣномъ плѣнныхъ инвалидовъ съ Германіей.

Утверждаютъ, что съ каждой партіей инвалидовъ германцы, подъ видомъ инвалидовъ, присылаютъ какихъ-то мѣстныхъ жителей, поляковъ, снабженныхъ подозрительными паспортами, а въ дѣйствительности пріѣзжающихъ въ Россію германскихъ шпионовъ.

Германскій напоръ на Россію, съ новымъ Верховодительствомъ, начинаетъ останавливаться. Германцамъ становится не по силамъ идти внутрь Россіи. Ходъ событій великой войны уже опредѣлился совершенно точно. На всѣхъ театрахъ войны германцы достигаютъ полуспѣха: они занимаютъ часть непріятельской территоріи и оставляютъ непораженной непріятельскую армію. Такъ было во Франціи и Россіи, такъ будетъ и на Балканскомъ полуостровѣ—въ Сербіи.

Намъ, русскимъ, надо теперь же усвоить ходъ великой войны. Главный театръ борьбы не на Балканахъ, не во Франціи, а въ Россіи. Въ Россіи рѣшится участь Германіи. Тутъ ей будетъ крышка. Всѣ другіе театры лишь второстепенные и имѣютъ значеніе отвлеченія въ сторону силъ нѣмецкихъ. Вотъ отправная точка для насъ. Нѣмцы могли заставить далеко отступить только безснарядную русскую армію. И врядъ ли какая другая армія могла бы сдѣлать то, что сдѣлала армія русская лѣтомъ 1915 года.

Германскіе целелины, летающіе надъ Ригой, не бросаютъ бомбъ въ самый городъ, а ограничиваются только окраинами. Латыши увѣряютъ, что целелинамъ арміи Бѣлова приказано щадить историческую святыню города. Нынѣ въ Ригу съѣзжаются всѣ сливки нѣмецкаго общества, которое, очевидно, предвкушаетъ особыя событія, надлежащія здѣсь произойти. Не слишкомъ ли вы самоувѣрены, гг. нѣмцы.

Одинъ изъ корреспондентовъ „Новаго Времени“¹⁾ картинно изображаетъ подвигъ одного изъ героевъ нашего полкового духовенства о. Евтихія Тулунова:

„9 іюля только-что отбили атаки нѣмцевъ, настѣдавшихъ на правый флангъ, какъ обнаружился глубокой обходъ слѣва... Выяснились значительныя силы пѣхоты и кавалеріи противника, стремившагося отрѣзать намъ путь отхода... Наши части задерживали, насколько хватало силъ, врага, но на мѣстѣ отброшенной цѣпи противника показывалась новая цѣпь, вмѣсто разсѣяннаго эскадрона появлялся свѣжій...

Къ полудню бой достигъ своего апогея. Уже въ бой были введены всѣ резервы и напрягали послѣднія свои силы, чтобы противостоятъ втрое сильнѣйшему противнику и дать возможность отойти остальнымъ частямъ корпуса.

Въ рѣшительный моментъ боя командиръ полка, полковникъ Л., собралъ послѣднія шесть своихъ ротъ и повелъ ихъ въ контръ-атаку.

Это былъ красивѣйшій, незабываемый моментъ.

Чувствовалось, что настала кризисъ боя, когда разсыпанные цѣпью роты начали свое рѣшительное движеніе. И въ эту минуту впереди ротъ, рядомъ съ командиромъ полка, какъ изъ-подъ земли, выросла фигура полкового батюшки, отца Евтихія Тулунова...

Въ епитрахили, съ крестомъ въ рукахъ, о. Евтихій шелъ впереди цѣпи и старался поспѣть за командиромъ полка, широкимъ шагомъ мѣрившимъ поле.

Въ этихъ раздувавшихся на вѣтрѣ сѣдыхъ кудряхъ, во всей маленькой фигурѣ согбеннаго старца-монаха, высоко надъ головой поднимавшаго св. крестъ, было столько красоты, величія и героизма...

Впереди показалась непріятельская цѣпь. Раздался первый залпъ. И пролилась первая кровь — батюшка былъ раненъ въ ногу.

Но рана не охладила его порыва. Наскоро перевязавшись, онъ снова вышелъ впереди цѣпей и пошелъ, хромя, опять рядомъ съ командиромъ полка.

Потомъ,—беспорядочный ружейный огонь, трещаніе нѣсколькихъ пулеметовъ и дружный ударъ въ штыки...

Въ штыковой схваткѣ некогда было разбираться, кто раненъ, кто убитъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 3 октября 1915 года.

И когда уже нѣмцы отхлынули назадъ, оставивъ на полѣ груды тѣлъ, и наши, утомленные боемъ, окончили преслѣдованіе разбитаго врага, тогда только хватились, гдѣ батюшка

Тѣло отца Евтихія разыскали на полѣ — тѣло съ грудью, пронзенной цѣлымъ снопомъ пулеметныхъ пуль...

Ночью отца Евтихія хоронили.

Трогательныя похороны героя.

Безлунной ночью въ глухомъ лѣсу, гдѣ мягко шумѣли верхушки сосенъ, собрался полкъ — утомленные боемъ солдаты, еще пахнувшіе пороховымъ дымомъ. Безмолвно ждали, когда выроютъ могилу. И ночную тишь нарушалъ лишь шумъ лѣса, да стукъ лопатъ...

Обнажили головы. Колѣнопреклоненный полкъ выслушалъ слова печальной молитвы, что прочелъ командиръ полка надъ гробомъ убитаго отца Евтихія...

Процѣли „Вѣчную память“ и гробъ опустили въ свѣже вырытую могилу. Быстро изъ отдѣльныхъ горстей земли выросъ могильный холмъ.

„Здѣсь похороненъ полковой священникъ К. полка отецъ Евтихій Тулуповъ, іеромонахъ Богородицко-Площанской пустыни, Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи, убитый въ бою съ германцами 9 іюля 1915 года“...

Въ печальномъ молчаніи расходились солдаты.

За нынѣшнюю войну о. Евтихій Тулуповъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ и представленъ къ награжденію наперстнымъ крестомъ на георгіевской лентѣ и за подвигъ 9 іюля къ ордену св. Георгія 4 ст.“.

Передаютъ про очень интересный аппаратъ для лѣченія переломовъ костей, придуманный проф. Дельбе.

Этотъ аппаратъ — гипсовая повязка: переломанный членъ охватывается твердымъ кольцомъ сверху, подъ колѣномъ, и такимъ же кольцомъ снизу, подъ ступнею. А по бокамъ, отъ одного кольца къ другому, идутъ двѣ, изъ гипса же сдѣланныя шины. Переломанная часть ноги держится этой повязкой въ полной неподвижности. Но такъ какъ колѣно и ступня остаются свободными, то больной можетъ немедленно послѣ наложенія повязки двигать ногой, какъ если бы она была совсѣмъ здорова. На другой или третій день, иногда даже въ первый, онъ встаетъ и ходитъ, опираясь на ступню. И это относится одинаково къ простымъ переломамъ, какъ и къ сложнымъ,

такъ называемымъ дюпюитреновскимъ, съ переломомъ обѣихъ лодыжекъ, такъ и къ переломамъ, которые сопровождаются открытыми ранами,—что встрѣчается такъ часто въ теперешнее военное время. Когда повязка наложена, на второй или третій день больныхъ заставляютъ ходить, при чемъ имъ предписываются спеціальныя гимнастическія упражненія больной ногой. Эти упражненія заключаются въ присѣданіи при согнутомъ колѣнѣ. Нога остается въ аппаратѣ отъ 20 до 40 дней, когда нѣтъ другихъ осложненій. Но обыкновенно уже черезъ 7—10 дней больной выписывается изъ больницы. (Изд. Alcan. „Méthode de traitement des fractures“).

Рѣки Волховъ, Сясь, Свирица и каналы Ладужской системы заполнены громадными запасами дровъ, принадлежащими нашимъ оптовикамъ-дровяникамъ, мечтающимъ о 100% при продажѣ этихъ дровъ населенію Петрограда.

4 сентября. Сегодня состоялся роспускъ Государственной Думы и она съ большимъ достоинствомъ отнеслась къ совершившемуся событію. Ее не покинуло то патріотическое воодушевленіе, которое вдохновляло ее работы къ благу родины и для побѣды надъ врагомъ.

Въ Архангельскъ прибылъ со своей экспедиціей флигель-адъютантъ капитанъ 2 ранга Вилькицкій, знаменитый изслѣдователь морского пути по Ледовитому океану отъ Владивостока въ Бѣлое море. Экспедиція эта въ составѣ транспортовъ „Таймырь“ и „Вайгачъ“ вышла изъ Владивостока въ іюль 1914 года незадолго до войны, прошла Сѣверный Ледовитый океанъ, закончила опись Таймырскаго полуострова и открытой въ 1913 г. земли Императора Николая II и черезъ Карское море вернулись въ Архангельскъ.

Встрѣча экспедиціи флигель-адъютанта Вилькицкаго населеніемъ Архангельска носила трогательный, восторженный, характеръ. Для встрѣчи прибывающихъ на взморье Бѣлаго моря выѣзжали: главнокомандующій адмиралъ Угрюмовъ, губернаторъ Бибииковъ, городской голова и депутація отъ городской думы, поднесшая хлѣбъ-соль отъ города.

На рейдѣ Сѣверной Двины экспедицію встрѣчала флотилія

судовъ яхтъ-клуба. Всѣ суда въ порту и дома въ городѣ разукрашены флагами. Флигель-адъютантъ Вилькицкій сошелъ на берегъ подъ звуки народнаго гимна и раскаты громоваго „ура“. Съ пристани участники экспедиціи и встрѣчавшіе ихъ направились въ соборъ, гдѣ было совершено благодарственное молебствіе.

5—6 сентября. Разсказываютъ, что въ Новомъ-Петергофѣ состоитъ въ мѣстной лютеранской церкви пасторъ фонъ-Бодуненъ. Онъ проповѣдуетъ въ своей церкви по-нѣмецки и призываетъ своихъ слушателей помнить „свою великую націю и гордиться принадлежностью къ нѣмецкой націи“, которая, по его мнѣнію, является самой культурной. При церкви находится торговая школа, и пасторъ требуетъ отъ учителей школы, чтобы они въ своихъ бесѣдахъ не оскорбляли „такую великую націю, какъ нѣмцы“. Этотъ господинъ фонъ-Бодуненъ исполняетъ и по сіе время свои пасторскія обязанности. И это творится въ Н.-Петергофѣ.

Передаютъ, что извѣстная компанія Зингеръ перевозитъ 700.000 пудовъ по Сѣвернымъ желѣзнымъ дорогамъ.

„Все городское самоуправленіе города Бауска ¹⁾, состоящее почти исключительно изъ мѣстныхъ нѣмцевъ, предпочло остаться среди германцевъ. Бывшій городской голова Оскаръ фонъ-Бранденбургъ, въ свое время скандально заготовившій пироги для встрѣчи германцевъ, по распоряженію нѣмцевъ утвержденъ головою города Бауска. Въ свое время бывшій губернаторъ Курляндіи, Набоковъ, передъ выборами арестовалъ двухъ прогрессивныхъ городскихъ избирателей, вслѣдствіе этого Бранденбургъ остался единственнымъ кандидатомъ и былъ утвержденъ губернаторомъ въ должности городского головы. Радомскій пасторъ Биленштейнъ, извѣстный германофилъ и дѣятель дейченъ-ферейна, назначенъ германскими властями на крупную административную должность. Бывшій секретарь городской управы Гутманъ сейчасъ занимаетъ должность переводчика въ германскомъ штабѣ“.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 5 сентября 1915 года.

Приводимъ нѣсколько сценокъ изъ интересной корреспонденціи „Новаго Времени“¹⁾ о боевой дѣятельности командира тяжелой батареи, называемаго на фронтѣ тяжелый хозяинъ.

„Черезъ нѣсколько дней мы, дѣйствительно, наступали. Тяжелая артиллерія гремѣла весь день. Сидя въ штабѣ, я былъ пораженъ, какъ часто вызываютъ по телефону командира тяжелого дивизиона, сидѣвшаго на наблюдательномъ пунктѣ. Телефонистъ то и дѣло переставлялъ штепселя коммутатора.

— Откуда это звонятъ?

— Изъ полковъ больше...

Захотѣлось посмотрѣть это ближе, и я поѣхалъ на наблюдательный пунктъ.

На чердакѣ халупы, разрывъ круглой дырой солому на крышѣ, подполковникъ, сидя на какихъ-то жердочкахъ, сложенныхъ на подобіе стула, напряженно смотрѣлъ въ „рожки“²⁾, наблюдая за боемъ. Здѣсь же телефонъ, который работаетъ непрерывно.

— Кириллъ Прокофьевичъ, четыре дѣленія вправо...

— Что? Третій полкъ? Ну? Мѣшаетъ труба? На ней нѣмецкій пулеметъ... да, трудно попасть... попробую...

— Вячеславъ Корниловичъ, фугасной бомбой по заводской трубѣ, очередями... пробуйте. Что? Четвертый квадратъ второго ряда на двухверсткѣ... видите? Дуйте...

— Засыпаютъ? Шрапнелью? Ага, сейчасъ помогу...

— Семень Андреевичъ, Сапожникова засыпаютъ шрапнелью изъ-за лѣса... Знаете?.. Ему надо помочь. Обстрѣливайте нѣмецкую батарею бѣглымъ огнемъ, чередуя снаряды. Бомба, шрапнель, бомба, шрапнель... поняли?

— Что? По трубѣ довольно? Какъ? Разнесли?! Хорошо!

— Вячеславъ Корниловичъ, за трубу спасибо... Наводчика къ кресту представьте.

Я смотрѣлъ на этого крѣпкаго человѣка и удивлялся. Какіе нервы надо имѣть, чтобы въ этой кашѣ не сбиться. Подхожу къ другой трубѣ и начинаю наблюдать за полемъ.

— Любопытствуете?

— Интересно...

— Валяйте. Смотрите вправо... Видите городъ?.. Это Д—нь.

— Вижу.

— Шоссе видите?

¹⁾ „Новое Время“, 6 сентября 1915 г.

²⁾ Особого вида труба, принятая въ артиллеріи.

— Вижу... По немъ колонна идетъ?

— Да, да... Кирилль Прокофьевичъ, на Д—скомъ шоссе колонна. Обдайте бѣглымъ...

Подполковникъ передаетъ данныя для стрѣльбы и пристально всматривается въ „рожки“. Смотрю и я. Колонна небольшая, силой до батальона, видна хорошо. Первая бомба падаетъ вправо отъ шоссе. Видно, какъ колонна колыхнулась, очевидно, перестраиваясь, но въ то же мгновеніе надъ ней рвется сразу цѣлая очередь; вторая и третья довершаютъ дѣло. Колонна исчезла. Мелкой розсыпью нѣмцы кинулись назадъ. Батарея умолкаетъ,—слишкомъ далеко.

— Вячеславъ Корниловичъ, батарея мѣняетъ позиціи... Надо ее поймать на ходу,—говоритъ Леонтій Ефимовичъ, сообщая необходимыя данныя.

И ее поймали. Въ трубу видно, какъ одна бомба шлепнулась у самой запряжки, потомъ двѣ дали перелетъ, а четвертая угодила въ орудіе... Батарея обратилась въ кашу черезъ какія-нибудь четверть часа...

Телефонъ работаетъ по-прежнему. Батареи гремятъ безустали, послушныя голосу командира дивизіона, который то и дѣло передаетъ свои приказанія. Его три батареи: дальнобойная и двѣ гаубичныхъ, работаютъ какъ клавиши подъ рукой виртуоза.

Зато кончится бой, и въ штабѣ дивизіи со всѣхъ сторонъ получается одно и то же:

...„Поддержанные огнемъ тяжелой батареи, стрѣлки успѣшно овладѣли деревней“...

...„Роты заняли окопы, уже очищенные противникомъ, подъ давленіемъ нашей тяжелой артиллеріи“...

Но командиру дивизіона некогда слушать и читать эти искреннія похвалы боевыхъ товарищей. Надо посылать въ паркъ за снарядами, повѣрять запасы, приводить въ порядокъ орудія.

Работа въ окопахъ не клеится. Какъ разъ противъ мѣста работъ позиція нѣмцевъ дѣлаетъ выступъ.

Они засѣли на опушкѣ лѣса и обдаютъ насъ огнемъ изъ ружей и пулеметовъ, какъ только слышатъ ударъ топора или стукъ лопаты о слезавшуюся глину. То и дѣло приходится ложиться и терпѣливо ждать, когда же, наконецъ, кончится эта трескотня.

Прохожу по френту работъ и случайно ловлю разговоръ двухъ солдатъ.

— Этакъ всю ночь промаешься, ничего сдѣлать тебѣ не дадутъ.

— Надо бы тяжелому хозяину пожалиться... Онъ имъ дастъ пить...

— Кому?—спрашиваю я, не понимая, о комъ идетъ рѣчь.

— Это мы такъ, промежь себя... вообще, какъ солдаты...

— Да про кого же?

— Никакъ нѣтъ... Говорю, командира бы тяжелого дивизиона какъ попросить, чтобы нѣмца унять... никакой возможности нѣтъ къ работѣ приступить...

„А вѣдь вѣрно, думаю про себя, почему бы и не попросить его“ и иду къ телефону.

Отказа, разумѣется, не было...

— Сейчасъ. Въ лѣсу? Хорошо... Я ихъ бомбами...

И уже оборвалъ разговоръ. Такъ и представляешь себѣ, какъ въ эту минуту онъ уже взялъ другой телефонъ и отдаетъ приказаніе командиру батареи.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ нашими головами летитъ тяжелый снарядъ и съ грохотомъ рвется въ лѣсу. Другой, третій, потомъ сразу четыре.

— Вотъ это такъ!

— Ай да тяжелый хозяинъ!

— Вотъ, спасибо-то,—радуются солдаты.

А онъ будто слышитъ эти похвалы и измѣняетъ огонь по своей любимой манерѣ: половина бомбъ, половина шрапнелей. Солдаты радуются пуще прежняго.

— Такъ его, такъ... хорошенечко! Бомбой-то ему откупорить сидѣлку, а сверху горошкомъ!..

— Будетъ знать, какъ мѣшать работѣ.

— Ему, братъ, не попадайся,—замѣчаетъ бородатый запасникъ...—Это, братъ, хозяинъ правильный—у него всякій нехристь на счету“.

Военныя дѣйствія съ 1-го сентября включительно по 6-е слагались слѣдующимъ образомъ. На Риго-Двинскомъ фронтѣ противникъ старался наступать и къ Двинску, къ Якобштадту и Фридрихштадту, но повсюду не имѣлъ успѣха, и лишь только у послѣдняго пункта германцы достигли до лѣваго берега Двины. На сѣверозападномъ фронтѣ отъ Пинскихъ

болотъ по всему этому фронту нѣмцы наступали, крайне медленно продвигаясь на востокъ. Особеннымъ упорствомъ отличались бои за Вильно, къ западу отъ города въ районѣ между Оранами и Мейшаголы. Для того, чтобы обойти съ праваго фланга сражающіяся въ этомъ районѣ наши войска и отрѣзать ихъ отъ Двинскаго фронта, массы германской конницы ринулись между Молодечно и Вилейкой на Полоцкую желѣзную дорогу, и къ Свѣнцьянамъ по Варшавской желѣзной дорогѣ. Пока еще не опредѣлился исходъ сей нѣмецкой антрепризы.

Въ Волини и въ Восточной Галиціи—въ окрестностяхъ Тарнополя, по Стрынѣ и у Серета наши дѣйствія были вполне успешны.

7 сентября. По улицамъ Петрограда войска ходятъ съ пѣснями. Пріятно слышать задорные и бодрящіе душу напѣвы молодецкой пѣсни. Въ тяжелые августовскіе дни первой половины мѣсяца петроградскому обывателю пришлось слышать такія же пѣсни въ Царскомъ Селѣ, и надо сказать, по правдѣ, онѣ лились въ душу, какъ цѣлительный бальзамъ.

Пріѣхавшіе съ фронта офицеры и врачи рассказываютъ про громадную разницу въ настроеніи духа, какую проявляютъ при операціяхъ наши солдаты и германскіе. Наши переносятъ страданія сдержанно, а нѣмцы орутъ нещадно.

За послѣднее время на Петроградскихъ улицахъ появилась масса безногихъ на костыляхъ. Всѣхъ встрѣчныхъ безногихъ я опрашивалъ и отъ всѣхъ получалъ одинъ отвѣтъ—ногу потерялъ или по болѣзни или на желѣзной дорогѣ. Умѣютъ использовать свое положеніе въ настоящее время.

Однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ іезуитскаго ордена является отъявленный недругъ Россіи, и другъ—наставникъ Болгарскаго Фердинанда кардиналъ Ледоховскій. Онъ много сдѣлалъ и сдѣлаетъ Россіи зла на Балканскомъ полуостровѣ.

Разсказываютъ, что Фердинандъ Болгарскій исчезалъ куда-то на охоту изъ своего дворца, а въ дѣйствительности потихоньку ѣздилъ на совѣщаніе въ Берлинъ къ кайзеру. Конечно, отъ этой поѣздки Россіи нечего ожидать добра.

Болгарская интеллигенція теперь развиваетъ новыя теоріи о томъ, что болгары не славянскаго происхожденія, а тюркскаго, что они потомки тѣхъ болгаръ, царство которыхъ было во время оно на нижней Волгѣ.

Въ Москвѣ идутъ засѣданія всероссійскихъ земскихъ и городскихъ съѣздовъ.

Рига провожаетъ на театръ военныхъ дѣйствій многочисленныя латышскіе баталіоны, громко распѣвающіе свои національныя пѣсни.

Нельзя не отмѣтить одинъ замѣчательный фактъ, что изъ всѣхъ инородцевъ стали особой стѣной на защиту родины латыши. Почему же нѣтъ иныхъ другихъ лояльныхъ, прибалтійскихъ дружинъ, ставшихъ на защиту родины.

Приводимъ интересную сценку съ перевязочнаго пункта ¹⁾.

„Мы принимали раненыхъ съ утра. Къ ночи ихъ подвалило еще. О снѣ, объ отдыхѣ и думать нечего было.

Вдругъ тамъ, снаружи, началось движеніе, толпа раненыхъ раздалась, пропустила внѣ очереди нѣсколько носилокъ. Злобныя возгласы, взгляды, кулаки, все это понеслось на нѣмецкій счетъ.

Это было дѣйствительно одно изъ проявленій подлаго нѣмецкаго звѣрства. Ночью пустили удушливые газы большими массами.

Было уже поздно ночью. Въ баракѣ стоялъ туманъ отъ табачнаго дыма. Тусклая лампа едва освѣщала койки съ „удушенными“. Вокругъ нихъ столпились раненые. Думали свою думу, и недоброе сверкало въ солдатскихъ взорахъ.

Что они думали, не знаю. Но я думалъ о тѣхъ гнусныхъ

¹⁾ „Веч. В.“, 7 сентября 1915 г.

людишкахъ тылового пошиба, которые восхищаются германской „высокой культурой“ и говорятъ, что у нихъ нужно намъ учиться.

Отъ всего сердца готовъ я благодарить Бога за то, что не мы, русскіе, выдумали удушливые газы первыми“...

8 сентября. Сегодня въ Петроградскомъ Николаевскомъ госпиталѣ у раненыхъ военнопленныхъ были германскія сестры милосердія и бесѣдовали съ ними глазъ на глазъ.

По словамъ этихъ нѣмокъ, ихъ раненые неудовольствія не выражаютъ. Изъ Петрограда нѣмки уѣхали вечеромъ въ Сибирь.

Сегодня утромъ умерла М. Г. Савина.

9 сентября. Въ „Вечернемъ Времени“ сего числа напечатано слѣдующее:

„Въ журналѣ „Биржа и Русская Промышленность“ въ послѣднемъ номерѣ напечатанъ отчетъ товарищества „К. Шпанъ и сыновья“. Отчетъ составленъ бухгалтеромъ Гомиліусомъ, утвержденъ общимъ собраніемъ пайщиковъ и подписанъ директорами Ф. Сартиссономъ и М. Веселаго.

Какое дѣло, что Шпанъ, чистѣйшій нѣмецъ, ловко пролѣзшій въ круги нашей промышленности, предсѣдатель правленія и директоръ цѣлаго ряда металлургическихъ и машиностроительныхъ обществъ, по обстоятельствамъ военнаго времени вынужденный жить гдѣ-то инкогнито, не переставая въ то же время быть душою громаднаго предпріятія?! Его друзья—адмиралъ русскаго флота Веселаго и г. Сартиссонъ охраняютъ его интересы.

Пронырливый нѣмецъ забралъ въ свои руки громаднаго предпріятія, сталъ поставщикомъ военнаго вѣдомства по изготовленію снарядовъ и военныхъ припасовъ, это открывало передъ ними двери всюду. Онъ былъ въ курсѣ нашей подготовки и вѣрно служилъ „фатерланду“, измѣнивъ только вѣрѣ отцовъ, принявъ уже во время войны православіе и имя Константинъ, а кстати для видимости перешелъ и въ русское подданство. Но все это не спасло его, онъ подвергся общей участи и высланъ въ Нарымскій край.

10 сентября. Въ Болгаріи объявлена общая мобилизація. Противъ кого. Разумѣется, противъ Сербіи и Россіи. Съ кѣмъ въ союзѣ? Разумѣется, съ Австро-Германіей. Это ясно, какъ Божій день.

Мѣсяць тому назадъ одинъ господинъ, имѣющій связи съ Болгаріей и отмѣнно ее почитающій, говорилъ мнѣ объ этой мобилизаціи и увѣрялъ меня, что никогда болгары не будутъ дѣйствовать противъ русскихъ войскъ.

Говорятъ, что сербы просили, чтобъ имъ развязали руки для немедленной расправы съ болгарами, но европейскій концертъ былъ противъ сего.

Въ одномъ изъ августовскихъ номеровъ „Le Temps“ г-жа Морель помѣстила свои воспоминанія ¹⁾:

„Еще совсѣмъ молоденькой, въ 1874 году, я поступила воспитательницей въ богатую и аристократическую польскую семью, которая жила недалеко отъ Поневѣжа. Однажды къ намъ въ гости пріѣхали со своими гувернерами и гувернантками дѣти графа Кайзерлинга, предводителя дворянства Митавы. Маленькія графини Кайзерлингъ печему-то подружились со мной. „Вы такая милая,—говорили онѣ мнѣ,—что мы сейчасъ же расскажемъ вамъ всѣ наши секреты: вчера у папы былъ большой совѣтъ, были князь Ливенъ, баронъ Роппъ и много другихъ, и они рѣшили, что всѣхъ нашихъ мальчиковъ нужно отдавать теперь въ моряки, такъ какъ папа сказалъ, что это совсѣмъ достовѣрно, что балтійскія провинціи будутъ черезъ немного времени германскими, и что будущность Германіи будетъ на морѣ“... „Недавно,—продолжала маленькая болтунья,—нѣсколько русскихъ офицеровъ пріѣхали, чтобы осмотрѣть лошадей,—и папа быстро приказалъ, чтобъ изъ столовой вынесли портретъ императора Вильгельма и вмѣсто него повѣсили портретъ царя Александра... Но такъ какъ у папы его не оказалось, то пришлось послать къ барону N за портретомъ. Послѣ отъѣзда офицеровъ портретъ снова сняли и отослали обратно“...

Кромѣ того, я вспоминаю, какъ однажды моихъ хозяевъ посетилъ губернаторъ Вильны князь Альбединскій. Былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовала я со своимъ воспитан-

¹⁾ „Нов. Вр.“, 10 сентября 1915 г.

никомъ. Разговоръ велся по-французски. Я была поражена словами князя Альбединскаго:

„Кто же освободить, наконецъ, русскія сферы отъ всѣхъ этихъ обѣднѣвшихъ нѣмцевъ, графовъ и бароновъ, имѣющихъ большія дворянскія грамоты, но мало денегъ, и которыя создаютъ дождь и хорошую погоду у насъ въ Россіи? — воскликнулъ онъ.—Вы не можете себѣ представить ихъ дерзость, ихъ могущество и ихъ безцеремонность... Имъ все позволено. Вашъ сосѣдъ Кайзерлингъ *persona grata* въ Россіи: онъ позволяетъ себѣ курить при... А если бы это сдѣлалъ русскій?.. Хотя ни одинъ русскій никогда не позволилъ бы ничего подобнаго“.

Это вѣрно, что вліяніе нѣмцевъ, ихъ любовь къ интригамъ, способы, съ помощью которыхъ они проникаютъ всюду, гдѣ есть хорошія мѣста, и вытѣсняють туземцевъ,—представляетъ серьезную опасность для Россіи. Можно только пожелать, чтобы тамъ это поняли такъ же хорошо, какъ у насъ, во Франціи, и чтобы отнынѣ передъ ними двери были бы заперты.

Однажды, проѣзжая станцію Б.—это было спустя три года,—я увидала на платформѣ графа Кайзерлинга. Какъ только онъ увидѣлъ меня, онъ пересѣлъ ко мнѣ во второй классъ, чтобы передать, какъ онъ говорилъ, „большую новость“. Это было извѣстіе о смерти Гамбетты. По словамъ нѣмца, эта смерть для его страны прямо счастье и благодаря ей, вынута большая заноза изъ ноги“. Могъ ли онъ придумать лучшую похвалу для нашего великаго патріота? Въ 1882 г. я присутствовала за столомъ, гдѣ праздновали смерть Скобелева; было много шампанскаго и крики „хохъ“. Если русскіе упустятъ случай *de miserere* этихъ нѣмецкихъ дворянъ, которыхъ такъ проклинають ихъ жертвы — латыши, то они совершатъ огромную ошибку. Но, кажется, слава Богу, русскіе хотятъ окончательно освободить сферы отъ нѣмецкаго вліянія, которое приносило такой огромный вредъ ихъ странѣ“.

Противъ удушливыхъ газовъ извѣстный англійскій изобрѣтатель Максимъ предлагаетъ бросать снаряженные бомбы передъ надвигающимся облакомъ газовъ.

Бомбы разрываются, при чемъ воздухъ нагрѣвается и гонитъ газы обратно.

Разсказываютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что германскіе товары, подъ нейтральными клеймами, черезъ „Гергардовъ

и Геевъ“, Кунстовъ и Альбертсовъ съ ихъ преемниками, беспрепятственно проникають въ Россію.

Одинъ изъ раненыхъ передавалъ, что на ст. Орель остановились наши раненые на вонючемъ перронѣ, подѣ открытымъ небомъ, безъ фельдшеровъ, санитаровъ и сестеръ милосердія. Раненые прибыли изъ Кіева. Тутъ же въ залѣ I-го класса сидѣли 40 австрійскихъ офицеровъ, здоровенныхъ мужчинъ съ повязками Краснаго Креста, безъ конвоя, подѣ призоромъ сестеръ милосердія.

Передаютъ, что германцы совмѣстно съ турками оскверняютъ Святую Землю. На Голгоѣ поставлена батарея, въ окопахъ, стрѣляющая по мишенямъ, расположеннымъ по склонамъ Елеонской горы. Въ той части Голгоѣ, гдѣ по преданію стояла Богородица, оплакивающая умирающаго Сына, нѣмецкій купецъ Гансъ Моллеръ устроилъ лавку, въ которой продаетъ сладости, кофе, мыло и табакъ. Здѣсь по вечерамъ собираются нѣмецкіе унтеръ-офицеры и шумно распиваютъ пиво и ромъ, оглашая святыя мѣста непристойными пѣснями.

10 сентября. Въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Сената разсмотрѣна кассационная жалоба барона Деллингсгаузена, приговореннаго Петроградской судебной палатой къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ 4 мѣсяца съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Баронъ Деллингсгаузенъ привлекался за злоупотребленія, допущенныя имъ въ качествѣ завѣдывающаго четвертымъ военно-конскимъ участкомъ въ Везенбергскомъ уѣздѣ. Ревельскій окружный судъ приговорилъ Деллингсгаузена въ арестантскія отдѣленія на 2½ года, но Петроградская судебная палата понизила наказаніе. Резолюціей Сената жалоба оставлена безъ послѣдствій¹⁾.

11 сентября. Родославовъ въ собраніи своихъ единомышленниковъ заявилъ, что усиліями германцевъ Россія разбита и что поэтому нечего Болгаріи цѣпляться за мертвеца и только при

¹⁾ „Нов. Вр.“, 11 сентября 1915 г.

помощи берлинскаго правительства Болгарія сумѣетъ выйти побѣдительницей и осуществитъ свои національныя стремленія.

Въ Греціи тоже объявлена мобилизація. Эта стража подъ пятой королевы Софіи, кайзеровой сестрицы. Если грекамъ не пригрозятъ англо-французскимъ флотомъ и не закроютъ имъ подвозъ припасовъ, то греки перейдутъ на нѣмецкую сторону и, конечно, вопреки договору, они не окажутъ помощи Сербіи.

12—15 сентября. При объявленіи мобилизаціи въ Софіи воспитанники училищъ несли германскіе флаги.

Наконецъ таки 12 сентября наши союзники на западѣ перешли въ наступленіе у Арраса и въ Шампани. Послѣ усиленной артиллерійской подготовки, продолжавшейся нѣсколько дней, союзники повели энергичную атаку къ сѣверу отъ Арраса—утвердились въ нѣсколькихъ пунктахъ непріятельскихъ линій, а въ Шампани передовыя позиціи непріятеля заняты по всему фронту и наступленіе продолжается.

Французы прорвали центръ германскаго расположенія, взяли нѣсколько линій укрѣпленій, 24 орудія, 20.000 плѣнныхъ; англичане взяли 8 орудій и 1.700 плѣнныхъ. Еще англичанами взято 9 орудій и 2.600 человекъ.

Французскій фронтъ въ Шампани расположенъ вдоль второй линіи германскихъ окоповъ. Взято въ плѣнъ еще 1.000 человекъ. Взято 70 орудій.

Интересна корреспонденція, какъ подъ Осовцемъ подбили 42-сантиметровую пушку ¹⁾.

„Во время боевъ подъ Осовцемъ нѣмцы подвезли по желѣзной дорогѣ 42-сантиметровую пушку.

Долго они ее „настраивали“, и когда открыли огонь, то по-

¹⁾ „Нов. Вр“. № 1232.

падали большею частью въ болото. Огромная воронка мигомъ заполнялась водой, и получалось озеро саженъ въ 10 въ поперечникъ.

Стрѣляли они очень методично, чрезъ 10—15 минутъ, но за все время насчитываютъ не болѣе трехъ попаданій въ важные пункты крѣпости.

Значеніе этой пушки очень преувеличено молвой, ибо мѣткость ея ничтожна, а сильное дѣйствіе снаряда проявляется только при попаданіи.

Наши артиллеристы очень досадовали на эту пушку, ибо она была недосыгаема даже для самой ближайшей къ ней батареи.

Мѣсто, гдѣ стояла 42-сантиметровая пушка, было точно извѣстно, но попытки обстрѣлять ее были тщетны: по донесенію наблюдавшихъ за стрѣльбой нашихъ летчиковъ, снаряды наши не долетали версты на полторы.

Досада взяла артиллеристовъ. Долго думали, какъ бы „срѣзать“ проклятую, и, наконецъ, додумались: рискнуть однимъ орудіемъ и сдѣлать выстрѣлъ увеличеннымъ зарядомъ. Увеличенный зарядъ увеличить дальность, а направленіе, какъ говорятъ летчики, вѣрное—значить, возможенъ успѣхъ, если только наше орудіе не разорвется отъ увеличеннаго заряда.

Снарядили летчика, приняли мѣры предосторожности на случай разрыва орудія, увеличили зарядъ и ахнули.

Летчикъ доноситъ: хорошо, только еще саженъ на 100 подбавить надо.

Подбавили. Дали выстрѣлъ, и вдругъ, о радость, летчикъ сигнализируетъ: „Есть!“ На радостяхъ съ тѣмъ же увеличеннымъ зарядомъ сдѣлали еще два выстрѣла, и летчикъ потомъ рассказывалъ, какъ разсыпалась чувствовавшая себя недосыгаемой многочисленная прислуга этого орудія.

Что сдѣлалось съ самой пушкой, сказать трудно, только стрѣлять она по Осовцу перестала, а взятые дня черезъ три въ плѣнъ нѣмцы рассказывали, что убиты главные мастера, и что пушку увезли чинить.

Больше во все время осады она не появлялась“.

Съ 6-го включительно по 15-е сентября военныя дѣйствія на нашемъ фронтѣ слагались такимъ образомъ: на Рижскомъ районѣ непріятель безъ особаго успѣха атаковалъ наши позиціи къ юго-востоку отъ Риги, переправы черезъ р. Экау и районъ между Нейгутомъ и Фридрихштатомъ. У Двинска онъ упорно

лѣвъ на позиціи у Илукста и Ново-Александровска, но особаго успѣха и тутъ не имѣлъ. Упорные бои германцы вели къ югу отъ Двинска къ Свѣнцьянамъ между озерами дефиле; здѣсь мы продвигались къ западу, не взирая на ихъ яростныя атаки.

Главные усилія нѣмцевъ были направлены на то, чтобы использовать своей пѣхотой прорывъ нѣмецкой конницы у Молодечено и Вилейки, но тутъ они были встрѣчены грозными встрѣчными и упорными боями, неудачными для нѣмцевъ. По-немногу русскія войска продвигались на западъ, а у Вилейки, въ штыковомъ бою, взяли 17 орудій и 1.000 плѣнныхъ.

Въ это время главные силы арміи Эйхгорна ломались отъ Вильны черезъ Ошмяны на востокъ и были задерживаемы на укрѣпленныхъ нашихъ позиціяхъ. Южнѣе, нѣмцы медленно продвигались на востокъ, хотя у Логишина, близъ Пинска, были сильно побиты.

На Волыни и Восточной Галиціи наши дѣйствія были вполне успѣшны. Мы наступали въ районъ Ровно и Дубно (30 офиц. 1.000 плѣнныхъ), взяли Луцкъ, при чемъ взяли 128 офицеровъ и 6 т. плѣнныхъ, у Н.-Олексинца же захватили до 3 т. плѣнныхъ. Въ Галиціи, въ районѣ Тарнополя, Терембовля и Тлуса удача была на нашей сторонѣ, несмотря на обнаруженіе наступленія значительныхъ силъ противника.

Общее наступленіе на всемъ нашемъ фронтѣ и у старшихъ и у младшихъ начальниковъ явился, прежде скованный, духъ инициативы, безъ боязни отвѣтственности.

16—19 сентября. Одинъ остроумный корреспондентъ утверждаетъ, что главной причиной дороговизны продуктовъ въ Россіи является дешевизна совѣсти. Между этими двумя рядами товаровъ существуетъ строгое математическое соотношеніе — обратная пропорція: цѣна продукта, помноженная на цѣну совѣсти—всегда величина постоянная.

Разсказываетъ поучительную исторію. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Перновѣ проживалъ нѣкій капитаъ Вильке, скупавшій въ большомъ количествѣ рыбу у перновскихъ рыбаковъ. Купленную рыбу онъ отправлялъ въ Штеттинъ. Теперь мѣстные рыбаки, которымъ пришлось встрѣтиться съ германскими военными судами въ Рижскомъ и Перновскомъ заливахъ, разсказываютъ, что видѣли Вильке на одномъ изъ гер-

манскихъ судовъ въ формѣ офицера. Онъ, повидимому, служилъ нѣмцамъ въ качествѣ проводника, прекрасно зная расположеніе трудно проходимыхъ мѣстъ въ заливѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Вильке былъ запасный офицеръ германскаго флота, пребываніе его въ свое время въ Перновѣ было связано съ извѣстными цѣлями.

Разсказывали интересный примѣръ наглой нѣмецкой эксплуатаціи швейныхъ машинъ фирмы Зингеръ. У одного обладателя сего нѣмецкаго издѣлія машины перестали работать. Позвали представителя Зингера, который потребовалъ за исправленіе 75 рублей, а присутствовавшій при этой сценѣ солдатикъ купивъ простой винтикъ, исправилъ машину за 50 коп.

Передаютъ, что плѣнные нѣмцы въ Сибири съ необыкновеннымъ рвеніемъ изучаютъ русскій языкъ и мѣстные условія. Въ Красноярскѣ нѣмцами раскупленъ весь запасъ учебниковъ русской грамматики. Всякій плѣнный нѣмецъ, представитель той или иной области искусства, науки, промышленности, ремесла, имѣя въ виду международное будущее Германіи, имѣеть въ виду сражаться въ коммерческой войнѣ, которая въ свое время смѣнитъ политическую.

Подобное явленіе наблюдаютъ и у всѣхъ плѣнныхъ нѣмцевъ, разсѣянныхъ по всей Россіи. Выходитъ, что нѣмецъ, гдѣ и когда бы онъ ни приткнулся въ Россіи, приноситъ Россіи только вредъ.

9 сентября во время упорнаго боя на одномъ изъ участковъ арміи наша сестра милосердія Мира Михайловна Иванова, не взирая на уговоры офицеровъ и брата, полкового врача, все время перевязывала подъ сильнымъ ружейнымъ и пулетнымъ огнемъ противника. Видя, что командиръ и офицеры 10-й роты родного полка оказались убитыми, и сознавая важность наступившей рѣшительной минуты боя, Мира Ивановна, собравъ вокругъ себя нижнихъ чиновъ роты, бросилась во главѣ ихъ, опрокинула части послѣдняго и захватила при этомъ непріятельскій окопъ. Къ сожалѣнію, вражеская пуля сразила женщину-героиню. Тяжело раненая Иванова быстро скончалась на мѣстѣ боя, горячо оплакиваемая всѣми чинами полка ¹⁾).

¹⁾ 17 сентября. Обзоръ военныхъ дѣйствій Армейскаго Вѣстника.

Въ послѣднихъ бояхъ во Франціи наши союзники взяли 108 орудія и 25 тыс. плѣнныхъ.

20 сентября. Нѣтъ муки и мало булокъ, а въ то же время фирма Башкирова грузить у Николаевского моста баржи для отправки въ Швецію. Можетъ быть, эта мука пойдетъ изъ Швеціи въ Германію. Вотъ каковы Россійскіе патріоты.

Разсказываютъ, что Финляндскій банкъ предполагаетъ довести котировку 200 марокъ за 100 рублей и выдаетъ теперь за сто рублей 235 марокъ.

Все предвѣщаетъ полную измѣну Болгаріи и переходъ ея на сторону нѣмцевъ. Сомнѣнія въ этомъ никакого. Съ этого пути ее можетъ своротить военная сила и ничего болѣе.

Ни дворянство, ни рижское городское управленіе не дало ни одного грошика на снаряженіе латышскихъ бѣженцевъ.

Утверждаютъ, что недавно изъ Германіи въ Болгарію привезены 2 вагона золота.

Повсюду отводятся дворцы для раненыхъ. Невольно является вопросъ, почему нѣмецкая гостиница Асторія не отведена для этой цѣли. Видимо, что у Асторіи существуютъ могучіе покровители.

Приводимъ интересную сценку съ позиціи, приведенную въ „Новомъ Времени“:

„Передъ вторымъ батальономъ на позиціи нѣмцевъ небольшой садъ.

На разсвѣтъ видимъ, что деревья неистово качаются. А кругомъ тишина.

— Наблюдателя сажаютъ на день,—говоритъ кто-то изъ солдатъ.

Не успѣлъ сказать, какъ съ дерева затрещало ружье-пулеметь. Пули такъ и посыпались по окопу, вливая въ его тыльную отлогость.

— Эй, Борзенковъ, стаскивай-ка чехоль съ пулемета. Пущай онъ воздухомъ подышитъ.

— Стрѣлять?

— Ну да!

— А куда?

— Чучело, куда! По деревьямъ!

Борзенковъ расправляетъ кости, разминается послѣ тѣснаго блиндажа и идетъ къ пулемету.

Та-та-та... Только гуль пошелъ.

— По-сы-пались! — кричатъ солдаты, видя, какъ нѣмцы падаютъ съ дерева.

— Турманомъ пошелъ...

— Держись, Фрицъ, за землю.

А Борзенковъ опять надвинулъ чехоль и полѣзъ въ блиндажъ“.

20—25 сентября. Плѣннымъ нѣмцамъ въ Омскѣ необычайно везетъ. Цѣны на продукты тамъ изумительно дешевыя, мясо стоитъ самое лучшее черкасское 10 копѣекъ фунтъ, курица лучшая 25 коп., фунтъ масла 15 к. Нѣмецкіе офицеры выбираютъ изъ своихъ солдатъ поваровъ и вкушаютъ такую пищу, о какой имъ и не снилось въ своемъ фатерландѣ.

Въ Таганрогѣ въ самомъ большомъ металлургическомъ заводѣ на югѣ Россіи исполняются заказы военнаго и морского вѣдомства. Главноуправляющимъ завода состоитъ нѣмецъ Олингеръ. Разслѣдованіе, произведенное по поводу выполненія заказовъ, выяснило, что этотъ господинъ нѣмецъ дѣйствительно сократилъ и весьма значительно заводское производство и не выполнилъ нѣкоторыхъ срочныхъ заказовъ сухопутнаго и морского министерства. За сіе дѣяніе Олингеръ былъ высланъ наказныхъ атаманомъ войска Донского въ Иркутскъ ¹⁾.

Передаютъ, что шведы шлютъ въ Англію много заказовъ

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“, 21 сентября 1919 г.

консервовъ изъ дососины якобы для Россіи и спокойнымъ образомъ направляютъ ихъ въ Германію.

Разсказываютъ, что во Франціи, во многихъ городахъ, шпионы нѣмцы содержали фотографіи и снимали, по особенно дешевымъ цѣнамъ, офицеровъ гарнизона, пересылали эти фотографіи въ Берлинъ, а также снимали и окрестности города и снимки направляли туда же. Шпионы въ Германіи по карточкамъ знали французскихъ офицеровъ въ лицо. Вѣроятно, то же дѣлалось и въ Россіи. Во время войны петроградскому обывателю понадобилась карточка одной особы, оказалось, что право воспроизведенія принадлежало фотографіи, не помнится какой именно, но помѣщавшейся на солнечной сторонѣ Невскаго, недалеко отъ Конюшенной. Фотографія принадлежала высланному германскому подданному, какъ тогда оказалось, и разрѣшеніе воспроизведенія выдавала какая-то барышня.

Сегодня появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

Россійскому Императорскому посланнику въ Софія д. с. с. Савинскому поручено сегодня, 20 сентября, передать болгарскому правительству ноту слѣдующаго содержанія:

„Событія, происходящія теперь въ Болгаріи, свидѣлствуютъ объ окончательномъ рѣшеніи правительства короля Фердинанда отдать судьбу страны въ руки Германіи. Присутствіе германскихъ и австрійскихъ офицеровъ въ военномъ министерствѣ и штабахъ арміи, сосредоточеніе войскъ въ пограничной съ Сербіей области, широкая финансовая помощь, принимаемая софійскимъ кабинетомъ отъ нашихъ враговъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, противъ кого направлены нынѣшнія военныя приготовленія болгарскаго правительства. Державы согласія, принявшія близко къ сердцу обезпеченіе чаяній болгарскаго народа, неоднократно предостерегали г. Радославова, что всякое враждебное дѣйствіе противъ Сербіи будетъ сочтено, какъ направленное и противъ нихъ самихъ. Увѣреніямъ, расточавшимся въ отвѣтъ на эти предупрежденія главою кабинета, противорѣчатъ факты. Представитель Россіи, связанной съ Болгаріей неувядаемой памятью ея освобожденія отъ турецкаго ига, не можетъ оставаться въ странѣ, въ которой готовится братоубійственное нападеніе на союзный славянскій народъ. Императорскій посланникъ получилъ предписаніе по-

кинуть Болгарію со всѣмъ составомъ миссіи и консульствъ, если въ 24-часовой срокъ болгарское правительство не порветъ открыто съ врагами славянства и Россіи и не приметъ мѣръ въ немедленному удаленію изъ арміи офицеровъ государствъ, воюющихъ съ державами согласія“.

Изъ Германіи въ Россію пріѣзжаютъ скупщики металличе-скихъ денегъ по повышенной цѣнѣ. Скупщики уплату произ-водятъ фальшивыми бумажными деньгами.

Греческій премьеръ Венизелосъ вышелъ въ отставку.

Московскому городскому головѣ опять отказано въ его ходатайствѣ въ ликвидаціи общества электрическаго освѣщенія 1886 г.

Какъ сообщаетъ „Рев. В.“, по распоряженію властей высылаются изъ предѣловъ края на время военнаго положенія слѣдующія лица евангелическо-лютеранскаго духовенства: пасторъ Александровскаго прихода въ Іоакимсталѣ въ Нарвѣ І. Ялакасъ, іеввскій пасторъ Гессе, эстляндскій суперинтендентъ Леммъ, маріенъ-магдалененскій пасторъ Галлеръ и пасторъ Эбергардтъ. Всѣ высылаемые пасторы нѣмцы, за исключеніемъ Ялакаса.

Поземельный сборъ съ колонистовъ и другихъ лицъ опредѣляется въ смѣтѣ окладныхъ сборовъ на 1916 г. безъ измѣненія въ скромной суммѣ 959 р. 62 к., при чемъ съ сарептскихъ колонистовъ ожидается всего 354 р. 39 к. Количество земли, которой они владѣютъ, равняется 4.343³/₄ десятины, основной окладъ съ десятины составляетъ всего 7¹/₄ коп. и дополнительный—10⁰/₁₀₀. Въ общемъ, нѣмцы-колонисты за прекрасную землю въ Саратовской губерніи платятъ въ русскую казну меньше, чѣмъ по 10 коп. съ десятины. Впрочемъ, менониты въ Кубанской области и въ Таврической губ. платятъ еще меньше—отъ 4¹/₂ до 5¹/₂ коп. (приблизительно). Менониты владѣютъ 4.717 десятинами. Шотландскіе колонисты Терской

области за свои 2.998 десятинъ вносятъ по $4\frac{1}{2}$ к. съ десятины, а владѣльцы армянскихъ хуторовъ Самбекской степи Донской области, за 2.838 дес., по $7\frac{1}{4}$ коп.

На дняхъ произошелъ не состоявшійся секвестръ гостиницы Асторіи ¹⁾. Удивительное нѣмцелюбіе къ госпожѣ Асторіи.

Какихъ дивныхъ воителей представляетъ наша доблестная армія. Какая тѣсная связь существуетъ между нашимъ офицеромъ и солдатомъ и что при такомъ единеніи они могутъ сдѣлать. Это ясно видно отъ двухъ приводимыхъ ниже картинокъ ²⁾ одного корреспондента:

„У халупы, занятой батальоннымъ командиромъ, идетъ разборъ трофеевъ. Нѣмецкіе каски, ружья, карабины, подсумки съ патронами, пулеметныя ленты... Все это набросано въ безпорядкѣ огромной кучей, около которой суетятся, мѣшая другъ другу, нѣсколько молодыхъ солдатъ.

Имъ, видимо, доставляетъ удовольствіе рыться въ этомъ добрѣ. Вытащить винтовку и обязательно осмотритъ ее со всѣхъ сторонъ: какой прицѣлъ, какая ложа.

— Ну, и штыкъ, бодай его...

— Запустить, такъ не очухаешься.

— А затворъ какой чудной!

— Не какъ нашъ...

— Н-да... Дяденька, какъ она отворяется-то?—неожиданно обращается молодой къ батальонному. Тотъ даже сразу не понялъ, что этотъ вопросъ относится къ нему.

— Чего?

— Какъ, говорю, отворяется-то?

— Да ты съ кѣмъ говоришь?

— Виновать, ваше в-іе, запамятовалъ вовсе...

Молодой краснѣетъ до ушей и безпомощно опускаетъ винтовку.

— Дай сюда... Видѣлъ?

— Такъ точно.

— Ну, вотъ такъ и отворяется.

Батальонный ушелъ, и солдаты расхохотались.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 25 сентября 1915 г.

²⁾ Тамъ же.

- Ай да вятскій... Чего отмочилъ!
- Батальоннаго-то дяденькой!
- Ишь племянникъ какой нашелся.
- Вятскій народъ хватскій...
- Семеро одного не бояться...
- А какъ два напрутъ—вразъ убѣгутъ.

Вятичъ подавленъ.

Но за батальоннымъ уже утвердилось прозвище „дяденька“. Иначе съ тѣхъ поръ его и не зовутъ. Офицеры—въ глаза, а солдаты между собой, въ безконечныхъ разговорахъ у вѣчно кипящаго чайника“.

„Дяденькины роты вышли изъ окоповъ на разсвѣтъ и залегли впереди своей проволочной сѣти. Ждутъ, пока у нѣмцевъ начнется смятеніе... Оно уже близко. Какъ онъ просилъ вчера, тяжелая батарея громитъ все вправо и влѣво отъ его участка. А здѣсь—ни одного снаряда.

Наконецъ, артиллерійскій наблюдатель передаетъ, что нѣмцы стягиваются вправо.

- Девятая рота готова? Справа взводами... съ Богомъ!

Всѣ батареи обрушиваются на то мѣсто, куда стягиваются нѣмцы.

- Одиннадцатая впередъ...

- Двѣнадцатой равняться по девятой... Съ Богомъ!

Въ началѣ все это видно. Но потомъ картина блекнетъ. Все мелькаетъ, какъ въ калейдоскопѣ, кругомъ гулъ, трескъ и клубы разноцвѣтнаго дыма. Гдѣ-то въ тылу у нѣмцевъ загорѣлась деревня.

- Слышно „ура“.

Не такое, какъ всегда—сначала тихо, потомъ разростаясь, все громче и громче. А какъ-то сразу—громкое, оглушительное. Сквозь этотъ крикъ гдѣ-то коротко брызнулъ пулеметъ, но и онъ потонулъ въ густыхъ перекатахъ этого страшнаго крика.

- Смотрите, смотрите—сумасшедшій!

- Кто?

- Да дяденька вашъ.

- А что?

Смотрю въ трубу и не вѣрю глазамъ...

Отчетливо видно, какъ бѣжитъ наша цѣпь... Многіе падаютъ, кое-кто снова встаетъ и бѣжитъ впередъ, кое-кто тянется на-

задъ... Раненые... За цѣпью поддержки, а за ними десятая рота—резервъ и при ней „дяденька“—верхомъ.

— Спятилъ человекъ... Въ атаку верхомъ...

— Всѣ на шрапнель!—увлекаясь, кричитъ по телефону начальникъ артиллерійскаго участка.

— А что?

— Нѣмцы уходятъ...

На прежней позиціи развернуть перевязочный пунктъ. Сюда, на флагъ Краснаго Креста, и ползутъ раненые осколками, пулями, штыками.

— Какой роты?

— Десятой...

— Батальонный съ вами былъ?

— Съ нами...

— Гдѣ онъ сейчасъ?

— Тамъ... впереди...

— Живъ?

— Слава Богу... Какъ и уцѣлѣлъ, не знаю... Все время, какъ изъ окоповъ вышли, верхомъ такъ и вѣхалъ при нашей ротѣ, и Жукъ (собака) около.

— Легко взяли?—спрашиваетъ санитаръ, принимаясь за перевязку.

— Позицію-то? Ничего... Нешто съ такимъ трудно? Онъ одинъ что хошь возьметъ“...

26—30 сентября. Газета „День“ указываетъ на нѣмецкую христоматію, вышедшую, передъ войной, въ Берлинѣ шестымъ изданіемъ и рекомендованную учебнымъ комитетомъ народнаго просвѣщенія для нашихъ гимназій. Интересное стихотвореніе и рисунокъ, помѣщенные на стр. 165 этой христоматіи:

„На картинкѣ изображенъ скачущій на бѣлой лошади старый нѣмецкій генералъ. Плащъ его развѣвается, въ рукѣ обнаженная сабля. За нимъ бѣшено мчатся кавалеристы... Называется стихотвореніе: „Блюхеръ на Рейнѣ“.

Войска остановились у Рейна:

Идти ли впередъ на Францію?

Нѣкоторые колеблются и сомнѣваются.

Но старый Блюхеръ кричитъ:

— Карту сюда!

Идти на Францію не составляетъ труда.

Гдѣ стоитъ врагъ?

— „Врагъ?—вотъ онъ!“

— Поставь тутъ палецъ.

Тутъ мы разобьемъ его!

А гдѣ Парижъ?

„Парижъ?—вотъ онъ!“

— Палецъ сюда! Мы возьмемъ его!

Стройте мосты черезъ Рейнъ!

Я думаю, что шампанское всего вкуснѣе тамъ,

Гдѣ его выдѣлываютъ“.

Бѣдные наши гимназисты: вотъ какъ патриотично воспитываютъ ихъ господа нѣмцелюбы.

Тяжело писать о подлостяхъ болгаръ. Какъ отдѣлать Болгарію отъ Фердинанда и Радославова. Теперь они почти всѣ Фердинанды и Радославовы. По Сенькѣ и шапка. Голосовъ и фигуръ иного вѣянія въ Болгаріи мы и не видимъ и не слышимъ.

Въ рядахъ нашей доблестной арміи мы видимъ достойнѣйшихъ и заслуживающихъ полнаго уваженія болгаръ, но это люди, немало времени какъ уже покинувшіе свою страну.

Въ рядахъ нашей арміи служитъ герой-полководецъ, ставшій кумиромъ нашихъ офицеровъ, солдатъ и нашего крестьянина, а также и болгарскіе офицеры, но число ихъ далеко не велико, какъ это надлежало бы быть, по тому, что сдѣлала Россія для Болгаріи.

Одинъ извѣстный политическій дѣятель увѣрялъ меня, что послѣ войны болгары начнутъ стонать и вопить, что мы, болгары, нисколько не виноваты въ позорныхъ дѣяніяхъ противъ Россіи, а все это надѣлали Фердинандъ и Радославовъ, и русскіе простятъ Болгаріи.

Очень интересна корреспонденція г. Трофимова ¹⁾ о гуманности нѣмецкаго медицинскаго персонала по наблюденію нашей сестры милосердія:

— „Что я могу сказать о нѣмецкихъ врачахъ и сестрахъ милосердія?—переспросила меня сестра милосердія, только-что прибывшая изъ Новогеоргіевска, —я наблюдала тѣхъ и другихъ“

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“, 27 сентября 1915 г.

въ теченіе сорока-пятидневнаго нашего плѣна и вынесла отрицательное впечатлѣніе. Черствые люди-автоматы, не имѣющіе самаго элементарнаго представленія о чувствѣ гуманности.

Ту же жестокость, которую эти „медики“ высказывали по отношенію насъ, русскихъ, прсывляли они и по отношенію своихъ нѣмцевъ.

Старикъ нѣмецъ-врачъ громко негодовалъ на санитаровъ, приносившихъ ему съ поля битвы „негодный матеріалъ“, т.-е. тяжело раненыхъ.

— Строго приказываю вамъ,—кричалъ гуманный медикъ,—быть осмотрительнѣе, не тащить ко мнѣ перваго попавшагося подъ руку! У меня и такъ дѣла по горло съ тѣми, кто можетъ еще встать на ноги для защиты отечества.

Естественно, что послѣ такого строгаго распоряженія нѣмецкіе санитары оставляли на кровавыхъ поляхъ всѣхъ тяжело раненыхъ.

Во время перевязокъ [нѣмецкія сестры милосердія,—а мы привыкли считать нѣмокъ чувствительно-сентиментальными,—проявляли удивительную жестокость; онѣ не считались ни съ состояніемъ раны, ни съ физической болью; повязки срывали безъ всякой осторожности; съ ранеными обращались грубо; кричали и готовы были порой пустить въ ходъ кулаки, но, видимо, ихъ удерживало наше присутствіе.

Надъ нами гуманныя нѣмки громко смѣялись, что мы „носимся со вшивымъ мужикомъ, какъ съ фарфоровой куклой“. Къ намъ въ госпиталь доставляли раненыхъ нѣмцевъ; мы не смотрѣли на нихъ, какъ на враговъ, а видѣли людей, нуждающихся въ нашей помощи, и относились къ нимъ съ полнымъ вниманіемъ; если же русскій случайно попадалъ въ руки нѣмецкихъ сестеръ милосердія, онѣ или совершенно не оказывали помощи, или дѣлали такъ небрежно, что ухудшали положеніе раненаго, при этомъ строго соблюдая очередь: впередъ всѣ нѣмцы, независимо отъ серьезности пораненія, а затѣмъ уже „русскія вшивыя свиньи“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣмецкихъ врачей и ихъ помощницъ иначе, какъ убійцами, и назвать нельзя: небрежность при перевязкѣ или операціи, запоздалая помощь, нерѣдко запоздалая сознательно,—вызывали у раненаго зараженіе крови.

Одинъ нѣмецъ-врачъ ходилъ всегда съ палкой, которой онъ работалъ чаще, чѣмъ ланцетомъ; палка гуляла по спинѣ раненыхъ и больныхъ. Замахивался онъ палкой и на насъ—русскихъ сестеръ милосердія. Сестру Вѣру Маркову этотъ врачъ

чуть не избилъ за то, что засталъ ее въ холерномъ баракѣ, куда она пришла для оказанія помощи больному холерой нѣмцу; онъ грозилъ отдать ее подъ судъ, а въ концѣ концовъ кончилъ тѣмъ, что заперъ ее въ холерномъ помѣщеніи вмѣстѣ съ больными, куда приказалъ доставлять ей и обѣдъ, т.-е. явно преслѣдуя цѣль, чтобы она заразилась.

Одинъ нѣмецкій медикъ рассказывалъ о принятыхъ имъ мѣрахъ противъ распространенія холеры.

Въ какомъ-то домикѣ жила семья, состоявшая изъ девяти душъ; двое заболѣло холерой; „гуманный“ врачъ приказалъ оцѣпить домъ и никого изъ него не выпускать, чтобы не распространять заразы; вскорѣ заболѣли и остальные семь, а затѣмъ всѣ умерли; очагъ заразы, домикъ, вмѣстѣ съ трупами былъ преданъ сожженію.

Мы содрогались отъ ужаса, слушая подробности совершеннаго злодѣянія, а нѣмецкія сестры милосердія находили это рациональной мѣрой борьбы противъ распространенія холеры. Много, много неприятностей вынесли и мы, и наши раненые отъ ничѣмъ не вызванной жестокости нѣмецкаго медицинскаго персонала; нѣкоторые, если такъ можно выразиться, престоо оворничали. Напримѣръ, въ палату больныхъ входили, не отряхнувъ грязи съ сапогъ. Когда мы указывали „медикамъ“ на это, они громко смѣялись:

— Вамъ дѣлать нельзя, а намъ можно.

У нѣмецкихъ властей, завѣдующихъ нашимъ госпиталемъ, мы не могли допроситься ни подстилокъ, ни одѣяль, ни подушекъ; холерныхъ больныхъ приходилось переносить иногда по городу на простыхъ носилкахъ.

Но тѣ же власти, приходя въ нашъ госпиталь, громко смѣялись:

— Вотъ такъ русскій госпиталь. Вотъ такъ сестры милосердія!

Я убѣдилась своими глазами, что всѣ рассказы о жестокости нѣмецкаго медицинскаго персонала—не вымыселъ досужей фантазіи... Увы! Это горькая правда. Нѣмецкіе врачи и сестры милосердія—не друзья человѣчества, а скорѣе его палачи.

Высоко интересенъ конецъ отвѣта болгарскаго правительства на наше правительственное сообщеніе:

(Болгаріи). „Ей остается съ сокрушеннымъ сердцемъ искренно пожалѣть, что положенныя до сихъ поръ болгарскимъ народомъ и правительствомъ усилія къ тѣсному единенію съ братскою Россіей рушатся не по ея почину и инициативѣ“.

Трудно себѣ представить большей наглости, чѣмъ эти слова. Даже знаменитый „клочекъ бумаги“ блѣднѣетъ передъ ними. Вотъ какое воспитаніе беззастѣнчивости, наглости и лжи привила и всосала въ кровь своимъ приснымъ союзникамъ германская этика. Далѣе идти трудно.

Вотъ характерная картинка ¹⁾, какъ наши доблестные артиллеристы берегутъ подбитое орудіе:

„Подскакалъ ординарецъ съ приказомъ командира батареи бросить орудіе и на галопѣ догонять передку батарею.

Сняли инвалида, бросили, а Д. все около него вертится.

— Ну, садись скорѣй на передокъ,—крикнулъ Д. ординарецъ

— Нѣтъ, братцы, повѣжайте, а я со своей пушкой останусь.—А у самого слезы.

Начали было его уговаривать.

— Не пойду, съ пушкой останусь,—твердить.

Не уговорили, такъ и остался, да не одинъ остался, съ нимъ и „правильный“.

Уѣхалъ передокъ, скатили они съ разбитаго лафета тѣло орудія, начали яму копать, чтобы зарыть.

А тутъ казакъ проѣзжаетъ съ лошадыю въ поводу.

— Садись, ребята, да утекай, нѣмецъ уже въ нашихъ окопахъ, за пять минутъ сюда дозоръ вышлетъ.

Принялъ Д. лошадь. Но не утекли храбрецы, а привязали къ стремянамъ веревки, которыми обвязали тѣло орудія и поволокли.

Волокли не по дорогѣ, а прямо рощей.

Богъ ихъ на этотъ разъ хранилъ.

Измученные и усталые, добрались они до ближайшей деревни, розыскали тамъ брошенную фурманку, взвалили на нее тѣло орудія и благополучно доставили сначала въ одинъ изъ полковъ, а потомъ и въ батарею.

Тѣло орудія оказалось въ исправности, положили его на запасный лафетъ, и снова Д. стрѣляетъ изъ спасенной имъ пушки, которая ему, пожалуй, дороже родного сына и уже, конечно, собственной жизни“.

Во Франціи уже обращено особое вниманіе на то, что одна

¹⁾ „Нов. Вр.“ 28 сентября 1915 г.

изъ видныхъ формъ нѣмецкаго шпіонажа есть внѣдреніе въ семейства французскихъ военныхъ и политическихъ дѣятелей боннъ изъ нѣмокъ, за самую умѣренную плату. Не мѣшало бы и нашимъ инымъ семьямъ о томъ поразмыслить.

Многіе наши военные и политическіе дѣятели и ихъ потомки возвращаютъ болгарскіе ордена.

Еще новая форма германской подлости—это учрежденіе въ Стокгольмѣ германскимъ правительствомъ агентуры для разсылки памфлетовъ поданнымъ и миссіямъ державъ четверного согласія.

Сущность этихъ памфлетовъ и теперь совершенно ясна—ложь, инсинуаціи, грязь, уснащенные самымъ гнуснымъ ядомъ.

Конфетчикъ Абрикосовъ продаетъ шоколадъ съ оберткой, гдѣ изображено, какъ цеппелинъ взрываетъ флотъ. На приложенной картинкѣ нѣмецкая надпись, а на цеппелинѣ надпись: Zerrepin 6.

Трудно объяснить, какъ это произошло, по глупости или по чему-либо другому?

Отдѣлъ торговли сообщилъ центральному военно-промышленному комитету списокъ семи фирмъ, торгующихъ въ нейтральныхъ государствахъ русскими товарами съ Германіей ¹⁾.

Баржа съ мукой (35 т. пудовъ) хлѣбопека Шмидта, слѣдующая изъ приладожскихъ каналовъ, задержана въ Шлиссельбургѣ по распоряженію хозяина въ виду боязни реквизиціи, въ то время, когда въ Петроградѣ на счету каждый фунтъ муки.

Припасы въ Петроградъ прибываютъ; ихъ кто-то распределяетъ, но пользы населенію отъ этого мало. Говорятъ, что за предоставленіе внѣ очереди вагоновъ мѣстными предержащими взимается изрядная сумма.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 29 сентября 1915 г.

Помѣщаемъ интересную корреспонденцію изъ Риги ¹⁾.

„Въ столицѣ новой Германіи творится что-то неладное. До сихъ поръ въ ней было тихо, смиренно, и вдругъ тревога. Это произошло почти неожиданно, точно по улицамъ умирающаго города пробѣжала большая черная кошка. И странно, когда германскія войска стояли подъ стѣнами города, въ немъ не чувствовалось такой тревоги, какъ теперь. Въ извѣстныхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ стали покупать разнаго рода успокаивающія средства, и даже было два смертныхъ случая. Врачи констатировали смерть отъ разрыва сердца.

„Что такое стало съ нашими лояльными нѣмцами?“—тревожно размышлялъ я.

Въ одно прекрасное утро, по совѣту латышей, я вышелъ на набережную Двины.

Рѣка перекатывала свои сѣроватыя волны—искрилась на солнцѣ. Въ садахъ и скверахъ благоухали цвѣты, а на расчищенныхъ дорожкахъ весело чирикали воробьи.

Пройдя нѣсколько шаговъ, я замѣтилъ разряженную толпу горожанъ, которые, несмотря на ранній часъ, смѣло разгуливали у берега.

Нѣмецкій шопоть носился надъ толпой. Раньше они гуляли въ своемъ районѣ, который былъ застрахованъ чуть ли не самимъ Вильгельмомъ отъ всякихъ воздушныхъ непріятностей.

Я уже хотѣлъ было уйти, такъ какъ мнѣ непріятно смотрѣть на нервныя оцетинившіяся лица лояльныхъ горожанъ, которые просто вышли подышать свѣжимъ воздухомъ, какъ вдругъ до моего слуха долетѣли громыхающіе звуки далекой канонады, которые постепенно стали расти.

Я насторожился. Теперь уже была ясно слышна рокочущая канонада тяжелыхъ орудій. Стекла въ окнахъ задрезбужали, а въ барабанныя перепонки кто-то началъ колотить тупымъ молоткомъ. Сердце радостно сжималось, и мнѣ хотѣлось вѣрить, что это гудитъ побѣдно наша артиллерія.

— Когда же, наконецъ...—неожиданно раздался сдавленный нетерпѣніемъ и неподдѣльнымъ горемъ чей-то возгласъ.

Я посмотрѣлъ въ сторону. Сбоку меня стояла небольшая группа нѣмцевъ. Они съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ гулу орудій, точно старались узнать по звуку, какъ далеко находятся ихъ крупновскія игрушки.

Они нервничали. Боже мой, сколько было злобы и ненависти

¹⁾ „Веч. Вр.“ 20 сентября 1915 г.

написано на ихъ бритыхъ лицахъ. Сѣрые кошачьи глаза тревожно впивались въ синѣвшій горизонтъ запада. Мнѣ никогда не приходилось видѣть такихъ колющихъ, непріятныхъ взглядовъ.

Въ этотъ день я понялъ, почему такъ взволновались наши горожане. Истомилось ихъ сердце отъ ожиданія. Имъ даже трудно скрыть свою глухую ненависть ко всему русскому.

Нѣмцы ушли въ свои таинственныя конуры, которыя закрыты желѣзными засовами.

Иду въ городъ. По дорогѣ встрѣчаю знакомаго латыша.

Проходимъ мимо памятника Петра Великаго, гдѣ остался одинъ гранитный пьедесталь.

Мнѣ плѣнный нѣмецъ рассказывалъ, что въ Берлинѣ уже изготовлена бронзовая статуя, которая будетъ торжественно поставлена на мѣсто Петра Великаго, какъ только нѣмцы возьмутъ городъ. Сюжетъ покаместъ держится въ строжайшемъ секретѣ.

Идемъ дальше. Мой спутникъ предлагаетъ мнѣ заглянуть во „Дворецъ Рыцарей“, одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій. Кстати, тамъ же находится комитетъ для оказанія помощи бѣженцамъ. Послѣ долгихъ поисковъ подходимъ къ огромному мрачному зданію. Тщетно ищемъ на дверяхъ и на стѣнахъ дворца какой-нибудь надписи, которая бы указывала, что здѣсь оказываютъ помощь бѣженцамъ“.

Сегодня, 30 сентября, 50-лѣтіе литературной дѣятельности нашего современнаго влатоуста, Анатолія Федоровича Кони.

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ статью о дѣятельности это необыкновеннаго человѣка, помѣщенную въ вышедшей сего числа октябрьской книжкѣ „Русской Старины“.

Наши сестры милосердія, попавшія въ плѣнъ подъ Ново-георгіевскомъ и нынѣ освобожденныя, рассказывали дословно, въ какомъ положеніи онѣ видѣли въ Германіи нашихъ плѣнныхъ.

По дорогѣ намъ удалось видѣть, какъ наши плѣнные не только обрабатывали на себѣ, вмѣсто лошадей, поля, но и катали на станціяхъ вагоны съ грузомъ. Видъ у нихъ былъ страшно измученный. При видѣ насъ они оживлялись и кричали намъ, чтобы мы передали Россіи, что они все вытерпятъ,

лишь бы разбиты были нѣмцы. За эти столь недоброжелательныя для нѣмцевъ пожеланія конвойные били нашихъ солдатъ прикладами и палками.

Конечно, при предстоящей на Балканскомъ полуостровѣ войнѣ, какъ мы уже сказали въ нашемъ обзорѣни 3 сентября полу-успѣхъ будетъ сопутствовать австро-германцамъ въ смыслѣ занятія территоріи, быть можетъ и въ значительной степени, но въ главномъ, по возможности, поражениіи сербской арміи мы положительно не вѣримъ, при чемъ на сторонѣ Германіи представляются двѣ отрицательныя данныя. Первая—это возможность съ *полнымъ обиліемъ* снабжать болгарскую армію боевыми запасами,—потому что врядъ ли Германія на это рискнетъ, да и врядъ ли она можетъ это сдѣлать. Второе — это чрезувеличенный расчетъ на людской составъ турецкой арміи. Дѣйствительно Турція не имѣетъ такъ много людского запаса, какъ о томъ кричитъ Германія. Запасы людей у турокъ такъ же истощены, какъ и въ Германіи, и громадныя турецкія арміи—это утки германскихъ бряцателей оружіемъ. Если бы у Турціи были значительныя силы людей, то она послала бы ихъ въ большыя мѣста на Кавказѣ и въ Месопотаміи, а самое главное вышвырнула бы союзниковъ съ самага наибольшаго мѣста Турціи изъ Дарданеллъ. Турція этого не сдѣлала потому, что для сего у ней нѣтъ людей.

Военныя дѣйствія на нашемъ западномъ фронтѣ съ 16-го включительно по 30-е сентября были, въ общемъ, для насъ успѣшны. Наступленіе непріятеля было остановлено, мы перешли, на разныхъ участкахъ нашего фронта, къ наступательнымъ дѣйствіямъ и совершенно ликвидировали прорывъ германской конницы къ сѣверу отъ Молодечно. Наша артиллерія поражала непріятеля усиленнымъ огнемъ.

Въ подробностяхъ, по раіонамъ, положеніе дѣлъ происходило такъ. На Рижскомъ раіонѣ всѣ наступательныя попытки противника отъ залива до Якобштадта потерпѣли полную неудачу, а съ 25-го сентября лѣвый флангъ германцевъ подвергся со стороны Рижскаго залива сильному огню нашего флота: ихъ батареи и окопы по берегу были разметаны нашимъ огнемъ съ судовъ.

Къ западу и сѣверо-западу отъ Двинска въ ожесточенныхъ

бояхъ у оз. Свенценъ, Горбуновки и Пошилиной германцы имѣли частный успѣхъ, занявъ часть нашихъ окоповъ; 29 сентября штыковымъ боемъ они были выбиты изъ Горбуновки и бѣжали; съ этого же числа мы овладѣли укрѣпленной позиціей къ югу отъ Двинска между оз. Медмусское и Ладуссъ Гей. Къ югу отъ Двинска въ дефиле озеръ Демень Дрисвяты, Оболе, Богинское, Нарочъ, Вишневское мы продвигались на западъ, и поддерживаемые сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ выбивали противника штыками изъ его укрѣпленныхъ позицій. Попытки германцевъ 24, 25 и 26 сентября перейти здѣсь въ наступленіе успѣха противнику не доставили. На югѣ отъ озеръ только 16 сентября у Крево германцы имѣли успѣхъ. Упорные бои къ югу и сѣверу отъ Сморгони были благопріятны для насъ. 24, 25 и 26 германцы вели упорные бои отъ Лиды до Молодечно, но успѣха не достигли. Въ центрѣ, за исключеніемъ небольшихъ дѣлъ, было спокойно.

Въ Волини противникъ велъ съ переменнымъ успѣхомъ наступленіе, въ превосходныхъ силахъ отъ Ковеля по направленію на Сарны, и отъ Луцка на Ровно и Дубно. Тутъ происходили бои въ окрестностяхъ Чарторійска, Рафаловки, Колки, Клевани. Мы вели энергичныя контръ-атаки, захватывали плѣнныхъ и впередъ противника не пропускали.

Въ Галиціи у Тарнополя и Трембовля и Пугача переходили частями въ наступленіе и, наконецъ, 30 сентября у Гай Воронки, западнѣе Трембовля, прорвали расположеніе противника и прогнали его за р. Стрыпу, захвативъ 4 орудія, 60 офицеровъ и 2 тыс. плѣнныхъ. Вотъ каковы были успѣхи новаго Верховнаго командованія.

На Кавказѣ были успѣшныя стычки съ турками, а черноморскій флотъ у Зунгулака разрушилъ угольныя постройки у Зунгулака. Духъ нашихъ войскъ получилъ новый подъемъ въ успѣшныхъ бояхъ съ германцами, и въ особенности въ жаркихъ, успѣшныхъ, рукопашныхъ схваткахъ.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

